УДК 94(4)«11/15»

П. В. Крылов

«Как жить хорошо в “темное время”»

Рецензия на сборник статей: Hyvä elämä keskiajalla. Toim. K. Kanerva, M. Lamberg // Historiallinen arkisto. 140. Helsinki, 2014. 268 S.

Проект Академии наук Финляндии «Социальное государство в Средние века: представления о благополучии в европейской культуре в 1100–1450 гг.»[1], материалы которого собраны в рецензируемом сборнике, был реализован в 2009–2011 гг. финско-шведским коллективом историков. Название в своей первой части отсылает к той общественной системе, что утвердилась на европейском континенте во второй половине XX в., и потому в первом приближении проект неизбежно кажется очередной попыткой вменения прошлому реалий сегодняшнего дня. Подобный анахронизм может быть оправдан, пожалуй, только необходимостью соответствующим образом составить заявку на грант и отчитаться перед его держателем. Впрочем, представленные в сборнике статьи темы «социального государства» никоим образом не касаются, в том числе во введении и заключении. Их предмет обозначен во второй части названия проекта — представления средневековых людей о благополучной жизни в самых разнообразных смыслах этого слова. Некоторые читатели, очевидно, не без удивления откроют для себя, что средневековый человек своими помыслами был устремлен не только к благочестивой «доброй кончине», несмотря на то что ста-

[1] Medieval States of Wellfare: Mental Wellbeing in European Culture, c. 1100–1450.

тья Стиллы Фаллберг Сундмарк, посвященная переводу на шведский язык трактата Жана Жерсона «Ars moriendi» (Искусство умирать), предусмотрительно открывает собой оглавление[2]. Например, статья Юсси Ханска, отталкивающаяся от двустраничного фрагмента хроники Салимбене Пармского, посвященного сравнению способов употребления вина в Италии, Франции и Англии, создает картину представлений об алкоголе в средневековой нравоучительной литературе и их отношения к практике, в том числе внутри францисканского ордена, к которому принадлежал хронист[3]. В картине этой обнаруживается существенный зазор между основанной на Ветхом Завете нормой и реальным поведением нищенствующей братии, не упускающей случая насладиться хорошим вином, когда им ее угощает благотворитель (с. 201). Преподаватель истории средних веков найдет в статье Тимо Йоутсиво «Тело и душа в зеркале схоластической медицины»[4] богатый материал, чтобы поколебать у своих студентов миф о «немытом и вонючем средневековье», весьма старательно внедренный в массовое историческое сознание. Особенно яркой выглядит его цитата из поучения болонского профессора медицины Таддео Альдеротти, адресованного знатному флорентийцу Корсо Донати. После пробуждения ему советовали потянуться, вымыть проточной водой руки и лицо, вычистить зубы, прополоскать десны и полость рта. Затем следовало пожевать анис или фенхель, чтобы освежить дыхание. По окончании гигиенических процедур доктор рекомендовал своему подопечному надеть элегантный костюм, чтобы «душа тем была обрадована». Правильное начало дня было, с его точки зрения, необходимой основой для того, чтобы сохранять и впредь телесное здоровье и душевное спокойствие (с. 77). Впрочем, описанные Сусанной Ниираненн «рецепты от трудных размышлений»[5] зачастую весьма сомнительны с точки зрения эффективности. Тем, кто часто сердится и впадает в меланхолию, сборник популярных провансальских рецептов рекомендует мазать горло медом (с. 93). По крайней мере, это средство не выглядит особенно вредоносным. Впрочем, для автора статьи оказывается более-менее очевидным, что считавшиеся ментально-болезненными состояниями меланхолию, бессонницу или резкие перемены настроения следовало лечить покоем. Потому реальное значение «медикаментов» и «магических средств» в средневековом врачебном искусстве оказывается, по большому счету, равным (с. 106–107). Статья Сари Катаяла-Пелтомаа «Одержимость

[2] *Sundmark S.F.* Hyvä elämä, hyvä kuolema. S. 35–64.

[3] *Hanska J.* Kirkonmies ja viinin ilot. S. 179–207.

[4] *Joutsivo T.* Ruumis ja sielu skolastien lääkärin tulkitsemina. S. 65–90.

[5] *Niiranen S.* Reseptejä mielen vaivoihin. S. 91–112.

и семейное благополучие»[6] показывает, что возможность чудесного вмешательства высших сил во вред или на благо человеческому здоровью вовсе не воспринималась средневековым сознанием как аксиома. Приложенное к протоколу процесса о канонизации Карла Блуасского (1319–1364) свидетельство Матеи Л'Эписье повествует о том, что внезапная болезнь ее трехлетней дочери Гийеметты стала наказанием за неверие ее супруга — торговца пряностями Пьера Жирара, горожанина из Анжера, в то, что Карл Блуасский достоин почитания как святой. Овладевший девочкой бес покинул свою жертву только после того, как родители привели ее в церковь братьев-миноритов и помолились о ее здоровье перед образом святого, в знак действенного покаяния почтенного буржуа в его кощунственном неверии (с. 118). Исследование частного случая разбивает два довольно устойчивых стереотипа:

— о полнейшем равнодушии средневековых родителей к своим детям, что входит в противоречие с трогательным повествованием о том, как Матея и Пьер пытались помочь беде их дочери;

— о повсеместной практике ранних браков — фигурирующая в материалах процесса «женщина тридцати двух лет или около того» Матея родила своего первого ребёнка, Гийеметту, в возрасте 29 лет, что вполне соответствует демографическим показателям начала XXI в.

Процесс о канонизации Карла Блуасского был открыт в 1371 г. в Анжере. Свидетельство совершённого им чудесного исцеления от одержимости, сделанное под присягой, должно было стать убедительным аргументом в пользу причисления знатного представителя рода Валуа к лику святых, о чём свидетельствуют приводимые С. Катаяла-Пелтомаа примеры подобных процессов в Западной Церкви. Впрочем, автор оставил без внимания тот факт, что среди усомнившихся в святости Карла был не только торговец пряностями Пьер Жирар, но и последний авиньонский папа Григорий XI (1370–1378), запомнившийся не только своим возвращением в Рим, но и отказом канонизировать французского принца в 1376 г. Беатификация Карла Блуасского оказалась в итоге отложена более чем на 500 лет и была совершена Пием X (1903–1914) в 1904 г. Погибший в сражении при Орэ 29 сентября 1364 г. вельможа сражался за герцогство Бретань против влиятельной семьи Монфоров, которая в тот момент одержала победу и воспротивилась канонизации. Препятствия политического свойства, в отличие от неверия анжерского торговца, оказались в тот момент непреодолимыми, что, к сожалению, упустила из вида С. Катаяла-Пелтомаа.

Марко Ламберг, отталкиваясь от одной из историй, сохранившихся в сборнике *exempla* ордена Св. Бригитты Шведской, размышляет о восприятии молодости и старости в средневековом обществе в статье с говорящим названи-

[6] *Katajala-Peltomaa S.* Riivaukset ja perheiden hyvinvointi. S. 113–136.

ем: «Силы, покидающие плоть»[7]. В отличие от большинства представленных в сборнике исследований, общераспространенный образ средневековья как времени людей молодых и сильных, плохо понимающих человеческую старость, находит здесь свое подтверждение в рассказе о больном старике, которому из-за его болезни священник отказывал в причастии. Благодаря явленному Девой Марией чуду ему были возвращены на несколько мгновений молодость и здоровье, чтобы он мог приобщиться Святых Тайн и упокоиться с миром.

Тема душевного благополучия располагается в центре исследования Саллы Палми-Фелин «"Новое занятие" как нравственная угроза», основанного на отрывке из произведения доминиканца из Пизы Бартоломео да Сан-Конкордио (1262–1347) «Сумма казусов совести»[8]. Старый вопрос о нелегком моральном выборе адвоката, нанятого преступником для его защиты в суде от справедливого возмездия, встал во времена брата Бартоломео с особенной остротой вследствие взрывного развития юридического образования, приведшего к появлению целого слоя профессиональных правоведов, предлагающих свои услуги всем желающим. Новая, «нетрадиционная» профессия, ассоциирующаяся с подкупом, крючкотворством, обманом, алчностью и недостойными риторическими приемами, угрожает прежде всего самому адвокату, который может снискать себе вечную погибель. С другой стороны, решения IV Латеранского собора 1215 г., установившие требование ежегодной обязательной исповеди для всех католиков, привели к необходимости выработки рекомендаций для тех священников, которые могли стать потенциальными духовниками юристов. Подборки подобных рекомендаций и обозревает автор статьи, указывая на то, что примирить занятие «опасной профессией» и стремление спасти свою душу можно было посредством оказания благотворительной юридической помощи бедным и жертвам несправедливости, умеренной платы за адвокатские услуги и отказа от участия в деле обвиняемого, чье преступление являлось очевидным для защитника (с. 173). Таким образом, «сомнительное новшество» — адвокатское ремесло получило шанс интегрироваться в добропорядочное христианское общество, а его представители — избежать адских мучений.

Наконец, статья «Добрая и злая ярость» Кирси Канерва основана на материале исландских саг, записанных в XIII — начале XIV в., когда древнескандинавские представления успели испытать на себе значительное христианское влияние[9]. Автор особо отмечает значение «благородного гнева» для поддержания социального миропорядка, условием которого было сохранение доброго имени и отмщения нанесенных обид. При этом описание «благородного гнева» отличается от описания боевой ярости берсерка, кусающего свой щит перед началом схватки. Благородный гнев является следствием убеждения в собственной правоте и потому не имеет никаких внешних проявлений — покраснения, почернения или побеления кожи, дрожи в руках или голосе и т. п. (с. 227).

[7] *Lamberg M.* Ruumiin ehtyvät voimat. S. 137–157.

[8] *Palmi-Felin S.* «Uusi työ» moraalin uhkana. S. 159–177.

[9] *Kanerva K.* Hyvä ja paha viha. S. 209–240.

Представленные в сборнике исследования следуют одному алгоритму: в начале каждого приводится фрагмент источника на языке оригинала — латинском, шведском, провансальском или древнеисландском, затем его перевод на финский, после чего следует более-менее пространный комментарий, в котором отражается знакомство автора с историческим контекстом, современной научной литературой и методами исследования.

Главным недостатком и проекта, и появившегося в результате его реализации сборника является, на взгляд рецензента, его мозаичность. Она стала очевидным следствием зависимости итогов работы от конкретных научных интересов участников исследовательского коллектива. Внимание к духовной культуре здесь явственно доминирует над вниманием к культуре материальной. Тема уверенности в спасении души как основы чувства душевного благополучия в той или иной вариации звучит практически в каждой из статей. С другой стороны, такие аспекты материального благополучия, как богатство, возможность есть досыта, жить в теплом доме, пользоваться удобной одеждой и обувью, остаются вне рамок сборника. И это вызывает определенное недоумение, ибо весьма неплохо известно, какие значительные усилия требовалось предпринимать средневековому человеку, чтобы удовлетворять свои самые минимальные потребности в пище, жилье и одежде. Тем не менее важная сторона индивидуального и общественного бытия осталась, к сожалению для читателя, в стороне. Лежит ли в основе этого зачарованность участников проекта изучаемыми источниками, ставящими во главу угла вопросы духовного порядка? Рецензент затрудняется с выводом, предпочитая констатировать результат.

Фрагментарность изложения, однако, вполне искупается глубиной и детализацией анализа, в полной мере оценить которые способны специалисты в области истории западноевропейского средневековья, на чье внимательное чтение рассчитан сборник. Впрочем, многих потенциальных читателей остановит одно обстоятельство — языковой барьер. За исключением отрывков исследуемых источников, язык издания — финский. Никаких резюме и даже оглавлений на других языках в этой книге найти невозможно. Но здесь не хочется усмотреть неуважение финских историков к своим зарубежным коллегам. Их коллективный труд, в котором рассматриваются проблемы довольно далекой от Финляндии истории, написанный на языке этой небольшой страны, свидетельствует о том, что у процесса глобализации науки есть свои пределы. Оказывается, вовсе не обязательно в каждом случае переходить с родного языка на язык с более высоким международным статусом, можно разрабатывать и поддерживать в активном состоянии собственную научную терминологию. Изданный Финским литературным обществом сборник служит хорошим подтверждением того, что одна из задач историка — формирование исторической культуры своей собственной страны, что неизбежно предполагает освоение исторического наследия других стран. Остается порадоваться за коллег из Финляндии, успешно справляющихся с этой непростой задачей.